

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О АРЕ ВАСИЛЬЕВЕ.

С Арой Васильевым я познакомился весной 1978 года, то есть тогда, когда, собственно, и произошел перелом в его личности, в его существовании. В нем иссякли силы к сопротивлению, и на протяжении двух с половиной лет он постепенно, но постоянно терял то, что называет "жизненными силами" и "желанием жить".

Вообще говоря, беззащитность как черта личности очень ярко характеризовала Ару Васильева. В нем полностью отсутствовала агрессивность, которая и позволяет человеку хоть в какой-то мере противостоять внешним обстоятельствам.

Отсутствие агрессивности проявилось и в его работах, которые ничего не пропагандируют, никого не агитируют, никому ничего не навязывают. Они приглашают к созерцанию. Живопись Ари Васильева можно было бы назвать "медитативной", если бы он был апологетом Востока. Но, насколько я знаю, он не ориентировался на Восток: его медитативность — европейского, точнее русского толка.

На выставке в ДК Орджоникидзе Ара Васильев был, пожалуй, единственным художником, выставившим "чистую", принципиально не иллюстративную живопись. В ней нет ничего, что вызывает ^{ассоциации,} не имеющие непосредственного отношения к самой живописи. А ведь "средний зритель" ищет в картине рассказ, философию, религию, эротику, социальный подтекст и т.д., то есть все, что угодно, кроме того, о чем говорит язык живописи. Причем, в большинстве случаев внеживописные элементы картин полностью заслоняют для зрителя собственно живописные достоинства и недостатки. Это особенно ярко проявляется у так называемых "модных художников", которых общество некоторое время "носит на руках", а потом забывает и забывает навсегда.

Ара Васильев никогда не был "модным художником", хотя на выставке в ДК Орджоникидзе оказался /судя по числу положительных отзывов/ самым популярным. Пожалуй, стечаста это объясняется тем, что характерной чертой живописи Ари Васильева является удивительная открытость. Мир его картин впускает каждого, кто подходит к ним без предвзятостей. Художнику не нужно предварительно читать лекции о своей концепции, чтобы подготовить зрителя к восприятию картин. Все понятно! Нет изобретенных композици —

ций, за которыми стоит "своя" философия, принципиально "свой" взгляд на мир. Нет "эффектных" сочетаний цвета /например, красного крапиака с изумрудной зеленой/, которые "бьют по глазам". В цветовой организации картин преобладает наиболее привычные глазу^{цвета} — зеленые, коричневые, серые. Кроме того, картины Ари Васильева лишены душевного надлома, болезненности, кошмара, патологии и вообще эстетики дисгармонии, которая так характерна для искусства XX века и которая позволяет пощекотать нервы пресыщенному зрителю.

А тем не менее зрителя завораживает эта простота, ясность, это отсутствие принципиального новаторства, эта ограниченность цветовой палитры, эта эстетика гармонии. В чем же дело? Может быть, зритель устал, "объелся" искусством, которое в погоне за очередными эффектами превратилось в "искусство для невротиков", в искусство "головной" и "душевной" боли, в искусство "пота и слез" /пот — от страха и от усилий хоть что-то понять, а слезам — от горечи за себя, за художника, за весь мир/? Может быть.

В картинах Ари Васильева зритель находит простоту и ясность, стремление к гармонии и свету, который в данном случае является не просто одним из формообразующих элементов, но и источником духовной организации картины. Именно свет настраивает зрителя на медитацию, на созерцание, сообщает картинам Ари Васильева ясность, гармонию и притягательность.

Светлый художник, светлый человек. Весь его жизненный путь был кристально чист. А когда мы хоронили Ару Васильева, то было ощущение, что мы хороним самих себя. А в воздухе, как тогда, висел вопрос: "Кто следующий?"

В.В.